

ни были тѣ, когда я, наконецъ, клалъ на бумагу то, что выносилось долговременно въ моихъ мысляхъ; когда я и до сихъ поръ увѣренъ, что едва ли есть высшее изъ наслажденій, какъ наслажденіе *творить*. Но, какъ честный человѣкъ, я долженъ положить перо даже и тогда, если бы почувствовалъ позывъ къ нему» (817).

Послѣднія строки мы прибавили къ тому лишь, чтобы высказать свое сомнѣніе, на сколько бы у Гоголя хватило «честности» сдѣлать это, если бы не отнялась у него самая способность писать... Любопытнѣе всего то, что умирающій уже талантъ Гоголя, въ предсмертныя минуты жизни своей, пока есть еще сила, какъ вѣрный конь сбившемуся съ пути своему сѣдоку, самъ чутьемъ, по привычкѣ, отыскиваетъ ему настоящую вѣрную дорогу къ обрѣтенію потерянной имъ способности творить. Дѣло въ томъ, что свойства этой способности, какъ самъ опредѣлилъ себя Гоголь, заключались въ томъ, что онъ никогда ничего не создавалъ въ воображеніи, что у него только то и выходило хорошо, что взято было изъ данныхъ ему извѣстныхъ, въ особенности же «изъ данныхъ *мельчайшихъ подробностей вѣщности*». Полюбуйтесь же теперь на то, какъ Гоголь, уже въ качествѣ «проповѣдника», или какъ, лучше, его вѣрный конь, талантъ самъ, пользуясь ловко обстоятельствами («переписка съ друзьями»), пабираетъ самъ матерьялъ своему хозяину, на случай, если бы къ нему вновь возвратилась способность писать. Одного (письмо къ А. О. Р.) онъ проситъ, *между прочимъ*, записывать для него, въ видѣ журнала, каждый день, свои наблюденія хотя въ слѣдующихъ словахъ: «сегодня я услышалъ вотъ какое мнѣніе; говорилъ его вотъ какой человѣкъ, характера онъ слѣдующаго (въ бѣглыхъ чертахъ портретъ его); съ вида онъ казистъ, приличенъ или не казистъ и не приличенъ; *держитъ*